

DOI: 10.31857/S0321039124030134

E.H. SHAW. Sallust and the Fall of the Republic. Leiden—Boston: Brill, 2021. XII + 506 p. ISBN: 978-9-00-450171-3

В последнее время англоязычная историография творчества Саллюстия все более завоевывает ведущие позиции, раньше принадлежавшие немецким ученым. Одним из примеров этого является монография преподавателя Бристольского университета Эдвина Шоу «Саллюстий и падение Республики», представляющая собой переработанный и расширенный вариант его диссертации, защищенной в 2016 г.

Во введении (с. 1–41) автор указывает на необходимость учета интеллектуального контекста, в котором протекало творчество Саллюстия. Исследователь отмечает распространенность литературного творчества среди элиты того времени. Широта литературных интересов способствовала укреплению связей внутри элиты, начиная от поиска книг и кончая литературными кружками. Шоу рассматривает творчество Саллюстия в рамках эпохи триумvirата, которую многие ученые считают (и Шоу согласен с ними) особым периодом в истории римской литературы, тем более что его начало совпадает с гибелью Цицерона. В то же время не следует преувеличивать перемены в литературной и интеллектуальной жизни, вызванные установлением господства триумvиров. Отчаяние и пессимизм, свойственные литературе указанного периода, давали о себе знать еще до начала гражданской войны 49–45 гг. до н.э.

Шоу подчеркивает, что творчество Саллюстия необходимо рассматривать как часть историографической традиции. С одной стороны, он, как и его предшественники, пишет о ценности истории, с другой же — обращается к не совсем новому (вспомним Целия Антипатра), но в целом довольно редкому жанру «монографий», структура которых у него восходит к Фукидиду. Кроме того, Саллюстий сосредоточивает основное внимание на анализе причин и непосредственных результатов событий, тогда как последствия только подразумеваются. Он не воспевает славное прошлое, а стремится лучше понять современную ему ситуацию. Отношение к истории не как к развлечению, а как к способу истинного познания роднит его с Полибием. Повлиял на Саллюстия и Геродот, особенно если говорить об этнографических экскурсах. Саллюстий был не единственным новатором в литературе 30-х годов, сочетавшим греческое и римское начало: достаточно вспомнить Вергилия, писавшего пасторали в стиле Феокрита.

Весьма новаторски подходит Саллюстий и к объяснению важности исторического писания. В «Заговоре Катилины» (*Cat.* 4. 1) он делает это, так сказать, в наставительной форме, противопоставляя его «рабским занятиям» — земледелию и охоте, а в «Югуртинской войне» (*Iug.* 3–4) указывает, что написание истории

является делом (*negotium*) более полезным, чем занятия политикой, приобретшие самые недостойные формы. Даже Цицерон не заходил столь далеко, говоря о полезности своих сочинений.

В первой главе (с. 42–116) Шоу рассматривает особенности *dispositio* сочинений Саллюстия, а также роль экскурсов. Писатель следует фактической канве событий, взятой из источников, но сохраняет за собой свободу структуры, отбора, порядка событий. В литературе не раз отмечались хронологические вольности в трудах Саллюстия. Так, *senatus consultum ultimum* против катилинариев датируется временем после мнимого покушения на Цицерона, являя собой, очевидно, реакцию на него (*Cat.* 28–29), а столкновение Цезаря с всадниками помещается до дебатов о судьбе заговорщиков в сенате, чтобы приписать это интригам Катула и Пизона и уменьшить отрицательное впечатление, произведенное речью Цезаря¹. 16 лет между усыновлением Югурты Миципсой и смертью последнего превращаются в *raucos per annos* (*Iug.* 9. 4), чтобы поведение первого напрямую увязать с советами, которые давали ему в лагере под Нуманцией развращенные нобили, а другие мотивы, которые могли возникнуть за столь длительный период, тем самым игнорируются. Еще один прием Саллюстия – перебивать или ограничивать основной рассказ дополнительными элементами, как это происходит с сюжетом о первом заговоре Катилины, вставленным в рассказ о собрании в доме Катилины. Все это помогает писателю представить события в нужном ему свете.

Конечно, важнейшую роль в композиции трудов Саллюстия играют экскурсии (в данной главе они рассматриваются применительно к «монографиям»). Они маркируются и тут же вводятся, другие же обозначаются как таковые лишь ретроспективно (см. таблицу на с. 96–99). Они позволяют лучше понять контекст и в этом смысле выстраиваются скорее в духе Фукидида, нежели Геродота. Саллюстий отнюдь не стремится использовать их в «орнаментальных» целях, не рассказывая, например, в первых главах археологии (*Cat.* 6–9) о победах римского оружия, где это было бы вполне уместно. Отсутствуют у Саллюстия хвалебные пассажи, а также *fabulae*, исключение – легенда о братьях Филенах в *Iug.* 79. Этому сюжету ученый уделяет особое внимание, считая, что его идея состоит в своего рода параллели между Римом и Карфагеном: граждане последнего в давние времена обладали истинной *virtus*, но затем Карфаген, как и Рим, стал ареной смут².

¹ *Cat.* 49. Станным образом упускается самое очевидное объяснение, а именно желание подчеркнуть мужественное поведение Цезаря, выступившего в сенате против казни катилинариев даже несмотря на угрозы всадников (Schmal 2001, 46).

² Трактровка весьма спорная, поскольку в качестве символа смуты выступает некий Гамилькар, *homo factiosus*, замысливший переворот (*rebus novis studere*) в Лептисе (*Iug.* 77. 1). Шоу считает, что, хотя его принадлежность к карфагенянам не обозначена, читатели Саллюстия воспринимали его именно как пунийца в силу известности имени Гамилькара Барки (с. 115). Однако Карфаген ко времени описываемых событий в Лептисе уже давно пал, а потому такая параллель выглядит в высшей степени спорной.

Во второй главе рассматриваются археология в *Cat.* 6–13 и африканский экскурс в *Iug.* 17–19 (с. 117–195). Археология делится на две части, где описываются взлет и падение Рима. Ее особенность в том, что она являет собой скорее описание *mores*, нежели последовательный исторический рассказ, созданный (и это наблюдение представляется весьма плодотворным) по образцу этнографического экскурса, чем обуславливается и такая ключевая черта рассказа, как отсутствие деталей. Обращает на себя внимание, в частности, почти полная его деперсонализация: упоминаются лишь Эней как основатель Города (деталь, отличающая версию Саллюстия от традиционной) и Сулла, чьи действия маркируют переход к финальной фазе упадка Рима.

Упадок Рима писатель объясняет, по мнению Шоу, не столько разрушением Карфагена и связанным с ним исчезновением *metus hostilis*, сколько господством схемы *translatio imperii* (она прослеживается у Эмилия Суры: *Vell.* I. 6. 6), обусловленным вмешательством Фортуны, которое привело к падению нравов (*Cat.* 10. 1). В то же время выше (2. 5) он пишет, что судьба держав меняется вместе с их нравами (*fortuna simul cum moribus inmutatur*), т.е. налицо явное противоречие. Нужно его разрешить, чтобы объяснить приложение схемы *translatio imperii* к Риму. Автор полагает, что с уничтожением последнего соперника (*aemula imperii*), Карфагена, Рим занял свое место в цепи держав и тем самым стал объектом непостоянства *fortuna* всех таких держав. То есть не падение Карфагена обусловило закат Рима, но гегемония Рима стала клониться к упадку в соответствии с более универсальным образцом, выражаемым с помощью *fortuna*. В итоге развитие Рима объясняется не его конкретными действиями, а неизбежностью.

Эта конструкция представляется весьма сомнительной. Ведь никто не принуждал римлян разрушать Карфаген, после чего только и можно было бы говорить о неизбежности. Да и сама схема *translatio imperii* с ее мотивом неизбежности вряд ли обоснованно приписывается Саллюстию. *Fortuna* в *Cat.* 10. 1 скорее просто риторический образ: в дальнейшем изложении событий она роли не играет, и описываемый далее упадок нравов остается объяснить лишь исчезновением страха перед врагами, коль скоро все они повержены. Кроме того, сама страсть, с которой обличает Саллюстий пороки сограждан, непонятна, если их господство обусловлено неизбежностью.

Переходя к этнографическому экскурсу в «Югуртинской войне», Шоу отмечает, что в нем речь идет не только о Нумидии, но и обо всем африканском континенте (разумеется, в известных ему пределах). С археологией экскурс сближает, например, такой прием, как указание на связь иноземных народов с *continuum* греческого мифа (роль Геракла, а также отдаленных народов — персов, армян). Для придания достоверности своим рассуждениям Саллюстий ссылается на книги царя Гиempсала, но тут же снимает с себя ответственность за достоверность сообщаемого, что вполне характерно для этнографических текстов. Возводя названия построек (*aedificia*) нумидийских крестьян к обозначению днищ перевернутых кораблей персов, приплывших когда-то в эти края, писатель прибегает к такому редкому для него приему, как этимологическое толкование. В то же время, рассуждая о современном состоянии Нумидии и окрестных земель, Саллюстий не ссылается на собственный опыт. По мнению Шоу, это

связано с нежеланием римского автора упоминать о своем участии в смуте 40-х годов, а также пробуждать воспоминания о своем дурном управлении Нумидией. «Отсутствие у Саллюстия ссылок на его участие в гражданской войне является частью общего уклонения от упоминаний этого этапа его карьеры на протяжении всей монографии, что отличает ее от *Bellum Catilinae*» (с. 184–185)³.

Рассказ о нумидийцах весьма примечателен. Как и в археологии, детали отсутствуют, а политическое развитие Нумидии изображается, подобно Риму, как непрерывный подъем благодаря моральным качествам ее обитателей. При этом о других народах Африки говорится немного, а почти полное умолчание о Карфагене соответствует идее исчезновения опасного врага как причины морального упадка в Риме. В результате возникает ощущение, будто нумидийцы — доминирующая в тех краях сила, что позволяет подчеркнуть значимость *bellum Iugurthinum*, хотя в действительности нанести Риму ощутимое поражение Нумидия не могла; впрочем, как отмечает автор чуть ниже, важность этой войны в том, что она, как считал Саллюстий, привела к гражданской войне между Марием и Суллой, а также в преемственности между нынешними врагами Рима и древними обитателями⁴ континента. Однако обосновывается это, как указывает Шоу, за счет преувеличения значимости отдельных исторических событий.

Третья глава (с. 196–285) открывается размышлениями о том, насколько текущая политика и личный опыт влияли на характер сочинений Саллюстия. Само по себе такое влияние Шоу не оспаривает, но оговаривает, что оно проявлялось не в узко биографическом смысле. Труды писателя — попытка рассмотреть хаотичную политику того времени с аналитической точки зрения, а не с позиций приверженности той или иной группировке. Именно это он имел в виду, говоря в *Cat.* 4. 2: *mihi a spe, metu, partibus rei publicae animus liber erat*. При этом, как полагает автор, Саллюстий находился в особом положении как писатель, ибо работал над своими трудами не как другие сенаторы, в конце карьеры, а пребывая в немилости. Суждение довольно странное, ибо указаний на эту немилость в источниках нет, да и вряд ли Саллюстий мог добиться чего-то большего после претуры, которая и тогда, и при Августе оставалась немалым достижением для *homo novus*⁵. К тому же его способности были явно недостаточными для успешного участия в гражданских войнах.

Спорно звучит и утверждение Шоу, что если Цицерон рассуждал о путях улучшения ситуации в Республике (вспомним образ *gestor rei publicae* и рекомендации в *De legibus*), то Саллюстий никаких рецептов на сей счет не давал, считая положение государства не поддающимся исправлению. Стоит, однако, отметить разницу жанров сочинений обоих, поскольку исторические работы вообще практически не содержали рекомендаций такого рода. Довольно странно также

³ Строго говоря, не упоминаний, а туманных намеков (см. *Cat.* 4. 1; Malitz 1975, 100, Anm. 33). Что же касается «Югуртинской войны», то в ней (*Iug.* 4. 4) вполне конкретно указывается на занятие Саллюстием должностей в весьма непростые времена (*quibus... temporibus*), в том числе и во время гражданской войны, на которую пришла его претура (Malitz 1975, 24).

⁴ В тексте (с. 194) лишённое смысла *inheritors* вместо напрашивающегося *inhabitants*.

⁵ См. Wiseman 1971, 155.

замечание, что Саллюстий не использовал свои труды для нападок для тех или иных лиц, как то делал Цицерон. Применительно к *Bellum Iugurthinum* это вообще звучит абсурдно, а в *Bellum Catilinae* объектами критики могли стать разве что (да и то сугубо предположительно) Катон и Цицерон, но они погибли в ходе смуты, и нападки на них выглядели бы в высшей степени неуместно.

Далее Шоу рассматривает политические экскурсы в *Cat.* 36. 4–39. 5 и *Iug.* 41–42. Они прерывают последовательность событий. В *Cat.* 38. 1 присутствует взгляд и назад (упоминание о восстановлении прав трибунов), и вперед (39. 4), в альтернативное будущее (как вариант победы Катилины при Пистории), где кто-то не названный, но зловещий (видимо, Помпей) занялся бы умирением Катилины. Тем самым предвещается финал «монографии», но также остается возможность победы Катилины, намек на более широкий исторический контекст. То же мы наблюдаем и в «Югуртинской войне», где Саллюстий упоминает и о Гракхах (ретроспектива), и о грядущей гражданской войне (перспектива)⁶. Таким образом, эти экскурсы дают возможность анализа за пределами монографий, чем, по мнению Шоу, писатель подчеркивает важность и пояснительную функцию своего материала, помещая его в более широкую историческую схему.

В экскурсах (особенно в *Iug.* 41–42) нашли яркое отражение важнейшие оппозиции в труде Саллюстия. Первая – между народом Рима в целом и ангажированной политической элитой, т.е., по сути, сенатом. Терминология, используемая для обозначения этого разделения, различна (*populus/senatus*, *populus/patres*, *plebs/senatus*), но само разделение остается неизменным. Второе противопоставление у Саллюстия – среди самих сенаторов: «истеблишмент» (*pauci*, *pauci potentes*, *factio*) и остальные. При этом, говоря о критиках власть имущих, Саллюстий избегает слова *popularis*, хотя его разделение между *factio* и теми, кто бросал им вызов, повторяет традиционное понимание роли популяров в римской политической культуре. Впрочем, термина *optimates* Саллюстий тоже избегает, но в сходном значении говорится о ненавидимых плебеями *boni* – гражданах, чьи интересы отождествляются с интересами государства.

Особый акцент делается на вырождении народа, что заставляет усомниться в симпатиях Саллюстия к популярам, порой приписываемых ему в литературе. Все упоминания плебса от имени самого автора в «Заговоре Катилины» носят негативный характер, подчеркиваются страх, отсутствие решимости, изменчивость настроений, склонность к насилию в плебейской среде. Даже в речах, обращенных к плебсу, опять говорится о его апатии и никчемности.

Примечательно отношение писателя к плебейскому трибунату, представители которого нападали на *pauci*. Он умалчивает об уступках, добытых трибунами в прежние времена, в «Заговоре Катилины» не говорит о трибунской агитации 70-х годов, а также об обладателях этой должности, поддерживавших сенат в конце 60-х годов (не указывается даже, что в конце 63 г. Катон был трибуном-десигнатом), но зато именно восстановлением их прав Саллюстий

⁶ Здесь Э. Шоу развивает идеи Д. Ливина (Levene 1992, 53–70, применительно к экскурсу *Iug.* 41–42 см. 53, 56, 57), чья работа ему известна, но ссылки на нее в данном случае отсутствуют.

объясняет возобновление нездорового политического соперничества в 60-х годах. В «Югуртинской войне» сходная картина: Меммий являет собой в лучшем случае двойственную фигуру, Бебий позволяет себя подкупить, Лукулл и Анний пытаются явно недолжным образом продлить свои полномочия, и даже Мамилий вряд ли может быть признан однозначно положительным персонажем. Такое отношение к трибунату сближает позицию Саллюстия с подходом Квинта Цицерона, тогда как его великий брат видел в трибунате и положительные черты.

Естественно, обличается и элита, прежде всего влиятельные сенаторы. Хотя они, возможно, виноваты в развязывании смуты меньше трибунов, несомненно их жестокость при реакции на нее (классический пример — расправа с Гракхами). Раусі безжалостны в осуществлении власти над плебсом. Кроме того, рассуждая в духе Фукидида, Саллюстий подчеркивает явное противоречие между формальными заявлениями ведущих политиков и их эгоистическими мотивами (то же, впрочем, касается и трибунов). Шоу отмечает, что хотя обвинения против жестокости властвования раусі порой перекликаются с доводами, вложенными в уста «смутьянов» (например Катилины), это не означает одобрения их позиции Саллюстием, ибо они, по его мысли, хотят того же, что и критикуемые ими.

Любопытна в связи с этим оценка Гракхов. Она более однозначна, нежели оценка других «демократических» политиков. Гракхи не злоупотребили победой над недругами, ибо не одержали ее. Они вышли за рамки допустимого, но нобилим лучше было уступить, нежели одолевая их *malum more*, т.е. убивать незаконно — сравнивается реакция нобилей и гипотетическое поведение достойного человека. Победа *malum more*, т.е. недостойная расправа с Гракхами — фактор, приведший к смуте, и весьма соблазнительно увидеть в нем отголосок *malum publicum* из «Заговора Катилины». И хотя ответственность за смуту возлагается на обе стороны, нобили более виновны, поскольку более эгоистичны.

Интересны наблюдения по поводу конфликта Метелла и Мария. Метелл появляется на сцене после нобилей, воплощавших собой *avaritia* (более обвинения в ней в тексте от имени самого Саллюстия не звучат). Он менее подвержен «партийным» пристрастиям (при этом назван *aseg*, как и Меммий — человек из другого лагеря) и является самым положительным образом нобилия в *Bellum Iugurthinum* и новым его типом. Однако ему присуща *superbia*, и его высокомерный отказ Марию привел к распре с ним. Бесспорно, последний имел право жаловаться на то, что его сковывала природа римской политики, но подогретая прорицателем в Утике *ambitio* ведет к подлинной перемене в характере Мария, от строгого воспитания к *cupido atque ira*. Если «развращенность Скавра показана как скрытая склонность к пороку, то перемена в Марии, похоже, являет собой истинную перемену в природе этого человека, чья *ambitio* консулата ниспровергает подлинные моральные ценности» (с. 269). Наилучший пример для сравнения с Марием — Югурта, подвергшийся мощному воздействию *ambitio*. Таким образом, конфликт Метелла и Мария — борьба плебса против *superbia* нобилей (это отсылает к постановке темы произведения, *Iug.* 4. 1), однако Марий заслуживает в нем, по мнению Саллюстия, большего порицания.

Речь Мария в *Iug.* 85 — выступление «партийного» демагога. По его словам, позади остались помогавшие Югурте *avaritia*, *imperitia*, *superbia* римских

полководцев (85. 45). Каждое из этих качеств связано с тем или иным этапом войн: *avaritia* с Бестией, *imperitia* с Постумием, *superbia* с Метеллом. Однако неясно, как проявилась *superbia* еще где-либо, кроме конфликта арпината с Метеллом. Марий сам проявляет ее, когда претендует на *nobilitas*, обосновывая ее своими заслугами и называя *nova nobilitas*. Плутарх прямо пишет в данном контексте о его ὕβρις (Plut. *Mar.* 9. 2).

Что же касается Суллы, то его образ в *Bellum Iugurthinum* весьма позитивен; критика его отношений с женщинами не сильно влияет на общую оценку, которая вряд ли является результатом влияния записок диктатора — Саллюстий не так уж зависел от своих источников. В целом Сулла — образец доблести⁷, антипод арпината применительно к периоду «Югуртинской войны» и в политическом, и в культурном отношении, порой замещающий Метелла в роли нобия-антагониста Мария. Однако в конце характеристики Суллы звучит отсылка ко временам будущей гражданской войны, и его образ тем самым воспроизводит, как и в случае с Марием, модель повторяющейся смуты и злоупотребления победой. Такой подход наряду с акцентом на гегемонии Мария в последней фразе *Bellum Iugurthinum* (114. 4) свидетельствует о двойственности финала сочинения.

В центре четвертой главы (с. 286–363) — зарисовки пяти персонажей «монографий». Как указывает Шоу, римляне нередко связывали структурные изменения с теми или иными личностями (например, Тиберий Гракх ассоциировался с началом смуты), результатом чего являлась сверхдетерминированность, когда речь шла об установлении причинно-следственной связи между ролью индивидуумов и более общими факторами.

Первым персонажем, на чьем образе останавливается автор, ожидаемо оказывается Катилина, характер которого обрисован в двух фрагментах, *Cat.* 5 и 14–16. Шоу развивает идею А. Ла Пенны о парадоксальности образа этого персонажа. Так, он обладает смелостью и выносливостью — качествами, которые помогали римлянам ранних времен добиваться побед, его поведение в конце битвы при Пистории напоминает *devotio* предков, но сам Катилина использует свои дарования не на благо общине, а чтобы угрожать ей. При этом текст Саллюстия, по мнению Шоу, содержит указание на то, каким мог бы быть Катилина, не повлияй на его *animus* гражданская война.

Следующий персонаж — Семпрония. Ее личность являет собой другую сторону падения нравов. Если Катилина, движимый *avaritia* и *ambitio* (страсти, связанные с *animus*), жаждет власти и богатства, то ей надо удовлетворить лишь свои *luxuria* и *inopia* (желания *corpus*).

Изображение Югурты позволяет увидеть его эволюцию: вначале это блестящий молодой человек, но далее мы наблюдаем его деградацию. Причем происходит это не из-за особенностей характера будущего царя, а под внешним влиянием — из-за рассуждений *novi atque nobiles*, уверявших, что в Риме все продажно (*Iug.* 8. 1). Встреча с ними оказывается поворотным моментом в судьбе нумидийца, чье

⁷ «A positive model of virtue» (с. 279). Хотя слово «доблесть» дано у Шоу по-английски, а не по-латински, вряд ли это имеет принципиальное значение. Между тем сам Саллюстий о *virtus* Суллы не пишет.

нездоровое честолюбие они разжигают⁸. Автор усматривает сходство в описании характеров Катилины и Югурты: оба наделены немалыми дарованиями, но из-за изменения мотивации обратились ко злу. Думается, автор несколько преувеличивает сходство их портретов: о Катилине говорится, что он уже с молодых лет (*ab adulescentia*) любил смуты и раздоры (*Cat.* 5. 2), ни о каких его заслугах перед *res publica* не упоминается, тогда как Югурта представлен не просто как человек выдающихся достоинств, но и как верный союзник Рима, храбро сражавшийся под Нуманцией и лишь потом сбившийся с истинного пути.

И, наконец, Цезарь и Катон. Их синкрисис — не обвинение первого и не восхваление второго, но размышление о мотивах римских политиков без простого решения. Они были единственными представителями последнего поколения Республики, которые обладали выдающейся *virtus* и способностью обретать *gloria* с помощью выдающихся деяний. Однако и *virtus*, и *gloria* у Саллюстия понятия весьма расплывчатые и неоднозначные: *virtus* может подразумевать высокий уровень в самых разных видах деятельности, от строительства до интеллектуальных занятий, а *gloria*, упоминаемая в «Заговоре Катилины» 19 раз, ни в одном из этих случаев не имеет бесспорных положительных моральных коннотаций. Хотя *gloria* ранних римлян выглядит позитивной, налицо ее переменчивость, и то, что деяния славные и полезные для *res publica* теперь уже не одно и то же, является симптомом болезни, на которую указывает Саллюстий. Эту двусмысленность следует учитывать при анализе синкрисиса Цезаря и Катона. Цезарем руководит желание власти и демонстрации своих дарований, но это не означает его заботы о государстве. О Катоне же говорится: *esse quam videri bonus malebat* (то же см. *Cic. Off.* II. 43) — эхо эсхиловской похвалы Амфиараю (*Sept.* 592). *Gloria* Цезаря связана с его *ambitio*, тогда как Катон озабочен благом *res publica*, оба же они — воплощение губительной перемены ценностей в движениях человеческой натуры.

Пятая глава (с. 364–424) посвящена анализу географических экскурсов в последнем сочинении Саллюстия. В них он расширяет границы жанра, сочетая традиции греческой географии с римской локальной историей⁹. Самостоятельность писателя видна при сравнении фрагментов его экскурса о Сицилии с Фукидидом. Описываемые последним топография острова, волны его колонизации не упоминаются Саллюстием, зато он пишет о Скилле и Харибде, о которых ничего не говорит греческий историк.

По мнению Шоу, географические экскурсии в «Истории» нужны не только и не столько для лучшего понимания сути событий и развлечения читателя, сколько для разговора о темах, занимавших самого Саллюстия. Ярчайший пример — Острова Блаженных, которые воплощают собой конец гражданских войн и

⁸ *animum... accendebant*. Тем самым Югурта оказывается противопоставлен Фабию Максиму и Публию Сципиону (*Iug.* 4. 5), возгоравшимся страстью к доблести при виде *imagines* предков (*animum ad virtutem accendi*) (с. 322).

⁹ Шоу замечает при этом, что «предшественники Саллюстия Катон и Цезарь не интегрировали свой географический материал в связные анналистические тексты» (с. 389–390). Однако о Катоне вообще ничего конкретного сказать нельзя из-за слабой сохранности текста, а сочинение Цезаря не является анналистическим.

переход к более мирной жизни, являясь рефлексией на утопическое мышление того времени. Они представляют собой альтернативный вариант не только для собиравшегося скрыться там от смуты Сертория, но и для всей римской имперской системы.

Известное сходство с этим сюжетом имеет и экскурс о Понте: это удаленный от Рима и (по крайней мере применительно ко времени изложения) не очень-то известный римским наблюдателям край, своего рода контрпример римской имперской гегемонии. Возможно, материал содержит те же мотивы, что и описание ранних римлян и африканцев (нет развитой системы правления и коррупции, как в современном Саллюстии римском государстве). В то же время в экскурсе о Понте сопоставляются детали ландшафта до и после римского завоевания. Они позволяют увидеть контраст между вневременным и вполне современным, между «первобытными» жителями края и приходом римской армии в последующем изложении.

Экскурс о Сардинии — пример круговорота смены власти, ибо, по Саллюстии, остров захватили прибывшие туда переселенцы из Трои. Предшественником его в этом вопросе является Фукидид, показавший в сицилийском экскурсе последствия передвижения народов. Правда, у него эти события принадлежат современности, тогда как Саллюстий описывает отдаленное прошлое, но это позволяет продемонстрировать траекторию развития народов Средиземноморья, их подъем и исторический упадок.

Соображения Шоу о географических экскурсах в «Истории» представляются весьма интересными и по-своему логичными, но в то же время и весьма уязвимыми, учитывая слабую сохранность текста этого произведения. Кроме того, спорен и тезис о том, что Саллюстий хочет показать дурное влияние римской экспансии, развивая в экскурсах идеи, звучащие еще в «Заговоре Катилины» и «Югуртинской войне», а также во введении к «Истории» (*Hist. I. 11M*) и письме Митридата (*Hist. IV. 69M*). Однако едва ли случайно, что Саллюстий вкладывает подобные суждения в уста злейших врагов Рима — Югурты (*Jug. 81.1*) и Митридата¹⁰, а указание на порчу нравов после разрушения Карфагена еще не означает само по себе осуждения римской экспансии.

В заключении (с. 425–442) Шоу резюмирует, что экскурсии дают возможность расширить границы возможностей историографа. Экскурсы выявляют связь между конкретными событиями и более широким историческим контекстом. То же касается и зарисовок характеров тех или иных персонажей. Саллюстий предлагает не столько решение, сколько диагноз ситуации, анализ исторических факторов, которые привели Рим к плачевному положению. «Несмотря на презрение, выказывавшееся им в отношении современной ему политической практики, Саллюстий, я полагаю, писал, движимый желанием понять и объяснить политическое содержание и распад системы, в которой был рожден, но перспектив на ее возвращение ко времени своей смерти он, похоже, не видел» (с. 442).

¹⁰ Письмо Митридата, судя по всему, является откровенной пародией на обвинения римлян в экспансионизме, алчности, вероломстве и т.п. (Korolenkov 2023).

Пора подводить итоги. Перед нами сложная и многоплановая работа, в которой не только представлено на хорошем уровне состояние вопроса, но и делается немало собственных интересных выводов. Хотя порой автор заходит несколько дальше, чем это позволяет текст источника, а стиль изложения непрост для восприятия, несомненно, эта монография является важным вкладом в изучение творчества Саллюстия.

Литература / References

- Korolenkov, A.V. 2023: Mithridates' Letter in Sallust's *Historiae*: Roman and Pontic Propaganda. *Philologia Classica* 18/2, 216–229.
- Levene, D.S. 1992: Sallust's Jugurtha: An 'Historical Fragment'. *Journal of Roman Studies* 82, 53–70.
- Malitz, J. 1975: *Ambitio mala. Studien zur politischen Biographie des Sallust*. Bonn.
- Schmal, S. 2001: *Sallust*. (Studienbücher Antike, 8). Hildesheim–Zürich–New York.
- Wiseman, T.P. 1971: *New Men in the Roman Senate*. London.

Anton V. Korolenkov,
State Academic University
for the Humanities,
Moscow, Russia
E-mail: sallust@list.ru
ORCID: 0000-0002-3628-2754

А.В. Короленков,
к.и.н., доцент
Государственного академического
университета гуманитарных наук
Москва, Россия